

СТИГМАТЫ СЕРЕБРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лилис Лилис

Стигматы серебра

<https://litres.ru/74545284>

SelfPub; 2026

Аннотация

Побег из столицы в глухой таежный городок казался Кире идеальным способом спрятаться от прошлого. Маленькая лавка ремесел, пахнувшая свежим кофе и корицей, должна была стать ее убежищем. Но у заброшенного горного карьера свои законы, и здешние леса не прощают чужаков.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лилис

Стигматы серебра

Глава 1

Колокольчик над дубовой дверью лавки звякнул сухо и надтреснуто. Горный туман, который весь день лениво полз по безлюдной улице, протиснулся в щель вместе с ледяным сквозняком, мгновенно разбавив густой, уютный запах свежего кофе и корицы.

Я приехала в этот Богом забытый городок из столицы полгода назад, надеясь спрятаться от собственного прошлого. Открыла лавку ремесел, надеясь затеряться среди местных мастеров, торговала таежным медом, вязаными шарфами Нэллы и авторским парфюмом. Но горы не принимали чужаков. Год назад здесь бесследно исчез Марк Маркони — холеный московский мажор, чью разбитую машину позже нашли пустой в реке ниже по течению. Дело быстро замяли, списав всё на паводок, но обгоревшие нити той истории упорно тянулись к моей лавке.

Я подошла к центральному стеллажу, собираясь протереть пыль. Мой взгляд упал на седьмую полку, которую арендовал Кристиан под свои мрачные угольные эскизы. Нелюдимый, дикий художник, который пах табаком и дождем, пу-

гал и притягивал одновременно.

Среди плотных листов шероховатой бумаги я заметила странный металлический блеск. Рука инстинктивно потянулась внутрь. Пальцы наткнулись на что-то холодное.

Я вытащила находку на свет и обомлела. На ладони лежал тяжелый серебряный браслет с литой волчьей лапой. Тот самый, который носил Марк Маркони до своего исчезновения — его приметы висели на каждой ориентировке в городе. Сердце глухо, больно ударило в ребра. Откуда у Кристиана вещь мертвеца?

Сзади скрипнула половица. Я испуганно вздрогнула и судорожно сунула браслет в глубокий карман фартука. Точно туда, где моя правая рука теперь сжимала чужую улику.

Кристиан стоял совсем близко, зайдя со спины бесшумно, как настоящий лесной хищник. Его расстегнутая куртка пахла копотью и сырым деревом.

— Ты бледная сегодня, Кира, — тихо произнес он. Его голос, низкий и с легкой хрипотцой, коснулся моей кожи, заставив волосы на шее встать дыбом. — Что-то случилось? Или кто-то успел испортить тебе настроение с самого утра?

Он сделал еще полшага. Его рука — большая, с тонкими пальцами художника и поломанными ногтями — поднялась, и он мягко, едва касаясь, убрал выбившийся локон от моего лица. Его пальцы были прохладными, но это прикосновение отозвалось во мне настоящим пожаром.

— Всё в порядке, — я заставила себя не отпрянуть, хотя

дыхание перехватило. — Просто не выпалась.

— Ложь, — выдохнул Кристиан, и его насмешливая улыбка исчезла. Взгляд серых глаз стал пронзительным, гипнотизирующим. — Ты не умеешь врать, Кира. Твои зрачки расширены, а пульс на шее бьется так, словно ты увидела призрака. Или... вора?

Он медленно опустил руку и коснулся моего запястья. Хватка была мягкой, но железной. Каждое сухожилие под его курткой натянулось, как струна. Он потянул мою руку вверх — прямо из кармана фартука.

Я затаила дыхание. Через секунду серебряный браслет Марка, тускло блеснув в утреннем свете, должен был явиться миру.

В этот момент дверь лавки снова с грохотом распахнулась. — Кира! — на пороге стоял Павлов, начальник местного отделения полиции, в своей неизменной форменной куртке. Его тяжелый взгляд мгновенно зафиксировал нашу позу: Кристиана, сжимающего мое запястье, и меня, замершую от страха. — Не помешал? У меня к тебе пара вопросов по поводу дела годичной давности. Поступила новая информация.

Хватка Кристиана на секунду стала каменной. Но перед тем как полностью отпустить меня, он наклонился к самому моему уху и едва слышно прошептал:

— Не отдавай ему то, что лежит в твоём кармане, девочка. Если хочешь жить.

Художник медленно, сантиметр за сантиметром, разжал

пальцы и отступил на шаг, перекрывая менту обзор.

— Город маленький, Павлов, — тихо, с опасной хрипотцой отозвался Кристиан. — Мою машину видят везде, где туман красиво ложится на скалы. Разве писать пейзажи на перевале теперь запрещено?

— Пока нет, — оборвал его Павлов. Он оперся тяжелыми ладонями о прилавок и посмотрел на меня сверху вниз. — Но я бы советовал тебе быть осторожнее, Кира. Горный воздух кружит голову, но здешние леса ошибок не прощают. Я зайду позже. Когда будешь одна.

Он развернулся и пошел к выходу. Колокольчик над дверью испуганно звякнул, и тяжелая фигура Павлова мгновенно растворилась в тумане за окном.

Как только дверь лавки захлопнулась, я со всей силы оттолкнула Кристиана.

— Ты нормальный?! — выдохнула я, тяжело дыша от ярости.

Я выдернула руку из кармана и с силой швырнула серебряный браслет на деревянный прилавок. Металл со звоном ударился о дуб и покатился, замерев у самого края.

— Какие отношения?! Ты хоть понимаешь, что ты сейчас наговорил перед полицией? Откуда у тебя вещь Марка, Кристиан?! Его же искали все горы!

Художник даже не шелохнулся. Он медленно подошел, взял браслет двумя пальцами, испачканными в мягком художественном угле, и посмотрел на меня. В его серых глазах

больше не было никакой насмешки. Только холодная, пугающая глубина.

— Во-первых, его тела никто не нашел, так что покойником его звать рано, — тихо сказал Кристиан, сокращая расстояние между нами. — А во-вторых... Павлов теперь с нас не слезет. И если ты не хочешь, чтобы этот браслет вернулся к тебе в комплекте с наручниками, тебе придется делать вид, что ты действительно от меня без ума.

Я перевела взгляд на зеркало. Мне было страшно. Но бежать из этого тупика было некуда, и оставалось только одно — играть по его правилам. Пока тайга не поглотила меня окончательно.

Глава 2

Слова Кристиана всё еще глухо, со свинцовой тяжестью вибрировали в сыром воздухе лавки. *«Тебе придется делать вид, что ты действительно от меня без ума».*

Художник ушел так же бесшумно, как и появился, оставив меня одну у прилавка. Я судорожно сгребла серебряный браслет Марка, металлический волк больно мазнул по ладони, и я спрятала его поглубже в карман фартука. Пальцы до сих пор горели от холода литого серебра, словно улика выжгла мне кожу.

Весь оставшийся день прошел как в полусне. Покупателей почти не было — лишь пара местных заглянули за медом, да Нэлла принесла свежие шарфы, причитая, что к ночи перевал точно заблокирует из-за бури. Я механически улыбалась, брала деньги, давала сдачу, но краем глаза постоянно косилась на мутное стекло витрины. Мне казалось, что за глухим таежным туманом, который медленно заливал пустую улицу, стоит УАЗик Павлова. Казенный, тяжелый взгляд начальника полиции мерещился за каждым деревом.

Я приехала в эту глушь из столицы полгода назад, надеясь спрятаться от собственного прошлого. Думала, лавка, пахнущая свежим кофе и корицей, станет моим спасением. Но тайга не отпускала грехи Марка Маркони, и теперь я была повязана с диким лесным художником общим обманом.

Когда сумерки окончательно ступились, я не выдержала. Страх, что Павлов вернется с ордером прямо сейчас и заставит вывернуть карманы, стал невыносимым. Я подошла к старому деревянному комоду под лестницей, выдвинула верхний ящик и спрятала тяжелый браслет на самый ворсистый кусок сукна, прикрыв сверху пачкой чистых товарных бланков. Металл тускло звякнул, исчезая в темноте.

Мне было страшно. До смерти страшно оставаться в этих стенах, зная, что я только что покрыла возможного убийцу или вора. Но еще страшнее было пойти против Кристиана — человека, который одним коротким шепотом перечеркнул мою тихую жизнь.

С наступлением темноты туман окончательно поглотил городок, превратив его в декорацию к кошмару. Настоящая сибирская осень в этом году пришла рано и принесла с собой пронизывающий, сырой холод, от которого не спасали даже самые плотные куртки. Сразу после закрытия магазинов улицы мгновенно вымерли.

Я закрыла лавку на все засовы и поднялась к себе на второй этаж...

Глава 3

С наступлением темноты туман окончательно поглотил городок, превратив его в декорацию к кошмару. Настоящая сибирская осень в этом году пришла рано и принесла с собой пронизывающий, сырой холод, от которого не спасали даже самые плотные куртки. Сразу после закрытия магазинов улицы мгновенно вымерли.

Я закрыла лавку на все засовы и поднялась к себе на второй этаж.

Мое жилье было крошечным и до крайности скромным. За тот год, что я провела здесь после побега из столицы, все мои немногочисленные сбережения ушли на обустройство торгового зала снизу. Я сама краем фартука стирала пыль, сама до мозолей шлифовала старые стеллажи под аренду полок, выбивая каждую копейку. Лавка выглядела достойно, дорого, а вот на собственную комнату денег уже не осталось.

Вся моя обстановка состояла из узкой железной кровати, старого комода и маленькой плитки, на которой я варила себе суп. Здесь было сыро — топить дом на полную мощность мне было просто не по карману.

Я сидела на кровати, завернувшись в шерстяной плед, и невидящим взглядом смотрела на тусклую лампочку.

Серебряный браслет Марка лежал на комоде, тускло поблескивая в полумраке. Зачем Кристиан принес его? За-

чем Алексей Павлов ищет зацепки именно сейчас? Угроза Кристиана до сих пор звенела у меня в ушах: *«Если хочешь жить, не отдавай его»*.

Вдруг раздался отчетливый, негромкий стук в стекло моего окна на втором этаже.

Я вздрогнула и резко обернулась. Окно выходило на козырек над крыльцом лавки. За стеклом, прямо среди плывущих клочьев тумана, темнел высокий, широкоплечий мужской силуэт. Кристиан.

Я бросилась к окну, резко дернула шпингалет и распахнула створку. В комнату вместе с ледяным воздухом ворвался запах мокрой хвои, речной сырости и того самого льняного масла.

— Ты с ума сошел? — прошипела я, отступая назад. — А если бы тебя кто-то увидел? Павлов обещал следить за мной!

Кристиан легко перемахнул через подоконник и бесшумно приземлился на старый деревянный пол. В темноте его серые глаза казались почти белыми. На нем была все та же тяжелая куртка, влажная от росы, а дыхание с легким паром вырывалось из губ.

— Павлов греется у себя в участке, — тихо ответил он, закрывая за собой окно.

Он окинул взглядом мою нищую, холодную комнату. Задержался на железной кровати, на моих босых ногах, завернутых в плед, и его губы на секунду дрогнули — без насмешки, скорее с какой-то тяжелой досадой.

— Ты дрожишь, — заметил он, делая шаг ко мне. — Здесь холодно, как в погребке. Почему не топишь?

— Не твое дело, Кристиан. Зачем ты пришел? — я отступила к комоду, пытаясь загородить собой браслет.

Художник коротко усмехнулся. Он подошел так близко, что я снова почувствовала исходящее от него мужское тепло, так контрастировавшее с моей ледяной комнатой. Он протянул руку — его длинные, испачканные углем пальцы без труда обогнули мое плечо и подцепили с комода тяжелое серебро.

— За этим, — Кристиан спрятал браслет в карман куртки. — Ему здесь не место. Павлов спит и видит, как бы обыскать твой дом под предлогом защиты «своей знакомой».

— Так отдай его полиции! Если ты не виноват, почему ты прячешь улику? — мой голос сорвался на шепот, полный отчаяния. — Я приехала сюда жить спокойно, Кристиан. Я не хочу сидеть в тюрьме из-за твоих тайн.

Кристиан резко шагнул вперед, прижимая меня спиной к холодному дереву комода. Его ладонь легла на столешницу прямо у моего бедра, ловя меня в ловушку. Я оказалась зажата между его горячим телом и старой мебелью. Я слышала, как тяжело и ровно бьется его сердце.

— Слушай меня внимательно, Кира, — его голос упал до опасного, бархатного шепота у самого моего лица. Его дыхание обжигало губы. — Марк не погиб в тайге случайно. Его убрали. И тот, кто это сделал, сейчас носит форму и разгу-

ливаает по этому городу с пистолетом на поясе. Если Павлов найдет у тебя эту вещь, ты исчезнешь так же, как исчез Марк год назад.

Я вытаращила глаза, боясь пошевелиться.

— Павлов?.. — выдохнула я.

— Молчи и играй свою роль перед ним, — Кристиан медленно опустил взгляд на мои губы, и на долю секунды мне показалось, что он сейчас наклонится и поцелует меня. Напряжение между нами стало таким острым, что воздух готов был заискрить.

Но он сдержался. Художник плавно отстранился, вытащил из кармана сложенный вчетверо кусок плотной шероховатой бумаги и положил его на комод, туда, где только что лежал браслет.

— Что это? — спросила я, с трудом обретая способность дышать.

— Твой путеводитель, если захочешь узнать правду, — Кристиан шагнул обратно к окну. — Это эскиз старой охотничьей сторожки на перевале. Марк жил там последнюю неделю перед тем, как всё случилось. Посмотри внимательно на рисунок, Кира. Ты умная девочка, ты поймешь, где искать.

Он открыл окно, на секунду обернулся, окинув меня пронзительным взглядом, и растаял в тумане ночного козырька так же бесшумно, как и появился. Остался только холодный ветер из открытой створки и сильный, будоражащий

запах корицы, таежного тумана и опасности.

Глава 4

Утро не принесло облегчения — туман за окном стал только гуще, превратившись в серое сырое марево. Я почти не спала. Стоило закрыть глаза, как я снова чувствовала на своей талии горячие пальцы Кристиана и слышала его вкрадчивый шепот: *«Марк не погиб в тайге случайно. Его убрали»*.

С трудом заставив себя подняться с ледяной постели, я натянула свитер и подошла к комоду. Плотный лист шероховатой бумаги лежал там, где его оставил ночной гость. Рисунок сторожки на перевале, выполненный размашистыми, точными штрихами угольного карандаша, казался зловещим. На печи Кристиан вывел едва заметный крест. Знак? Подсказка?

Я едва успела спрятать эскиз под матрас, как снизу, со стороны улицы, раздался настойчивый, тяжелый стук в дверь лавки.

Сердце испуганно екнуло. Лавка открывалась только через час.

Я быстро сбежала по деревянской лестнице, на ходу поправляя растрепанные волосы, и отодвинула тяжелые засовы. На пороге, окутанный клубами мокрого пара, стоял Алексей Павлов. На нем была расстегнутая форменная куртка, а в руках он держал массивную картонную коробку.

— Доброе утро, Кира, — Павлов коротко улыбнулся, но

его серые глаза оставались внимательными, оценивающими. Он без приглашения переступил порог, заставив меня отступить назад. — Не заперто? А надо бы запираяться надежнее. Городок у нас хоть и курортный, но всякие люди бродят.

— Лавка еще закрыта, Алексей, — я постаралась, чтобы мой голос звучал спокойно, хотя ладони мгновенно стали влажными. — Что-то случилось?

— Случилось, — он аккуратно опустил коробку прямо на мой начищенный деревянный прилавок, и из неё донесся металлический стук. — Вчера заходил к тебе, заметил, что у тебя в помещении сыро, как в склепе. А наверху, в твоей комнатке, небось еще холоднее? Дрова нынче дорогие, электричеством дом топить — разоришься. Вот, принес тебе. Из личных запасов, от чистого сердца.

Павлов вскрыл коробку и достал тяжелый, новенький масляный обогреватель.

Этот жест заботы со стороны начальника полиции выглядел настолько неестественно, что у меня по спине пробежал холодок. Он не просто принес вещь. Он покупал мое расположение. Пытался показать себя защитником, аккуратно прощупывая почву.

— Спасибо, конечно... Но не стоило, — я сделала шаг назад, скрестив руки на груди. — Сколько я вам должна?

— Брось, какие счета между своими, — Павлов снисходительно махнул рукой и оперся о прилавок, точь-в-точь как вчера. — Ты девушка приезжая, хрупкая, обустроила тут всё

красиво, любо-дорого посмотреть. Жаль будет, если подхватишь простуду. Да и... присматривать за тобой кому-то надо. Раз уж ты связалась с Кристианом.

Павлов внимательно посмотрел на лестницу, ведущую на мой жилой второй этаж, а затем снова перевел взгляд на меня. В его голосе появилась вкрадчивая, почти отцовская мягкость, от которой хотелось сбежать.

— Я ведь зла тебе не желаю, Кира. Беспокоюсь. Кристиан — парень темный, пришлый. Появился у нас года полтора назад, живет бирюком в своей глухомани, ни с кем не общается. Рисует свои мрачные картинки. Ты действительно думаешь, что его внезапный интерес к тебе — это просто романтика?

Я сжала пальцы в кулаки, пряча их в рукавах свитера. Мне нужно было играть роль влюбленной дурочки, как велел Кристиан, но перед лицом Павлова это давалось с трудом.

— Алексей, я взрослая девочка и сама способна разобраться в своих чувствах, — тихо ответила я, глядя ему прямо в переносицу. — Кристиан бывает грубым, но он честен со мной.

— Честен? — Павлов горько усмехнулся и сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию. От него пахло дешевым одеколоном, табаком и казенной кожей. — Мужчины вроде него не бывают честными, Кира. Они используют таких, как ты, как ширму. В день, когда пропал Марк, Кристиан крутился у перевала. И сейчас, когда дело снова подняли, он вдруг кру-

тится возле тебя. Не кажется странным? Может, он у тебя в лавке что-то прячет? Или наверху, в твоей комнате?

Его взгляд снова мазнул по лестнице на второй этаж. Он проверял меня. Ждал, что я дрогну, занервничаю или допущу ошибку. Если бы я не спрятала эскиз под матрас пять минут назад, Павлов, под предлогом того, чтобы «включить обогреватель в розетку», поднялся бы наверх и нашел его.

— В моей комнате нет ничего, кроме кровати и плиты, — отрезала я, удерживая лицо каменным. — Если у вас есть ордер на обыск моей лавки — предъявляйте. А если нет... мне пора открываться. Скоро придут первые покупатели.

— Ну зачем так официально, Кира? Я же просто по-соседски, — Алексей Павлов доброжелательно улыбнулся, но его глаза оставались холодными, как озерный лед. Он похлопал ладонью по картонной коробке. — Обогреватель оставь, пригодится. И подумай над моими словами. Если Кристиан принесет тебе что-то... необычное, или начнет расспрашивать про Марка — сразу звони мне. Береги себя.

Он развернулся и медленно пошел к выходу. Дверь закрылась, колокольчик звякнул, и тяжелая фигура Павлова скрылась в тумане.

Я обессиленно опустился на стул возле прилавка. Ноги подкашивались, а дыхание перехватывало от пережитого страха. Кристиан был прав: начальник полиции не просто вел следствие. Он вел охоту. И теперь я была зажата между ними двумя, как между молотом и наковальней.

Немного придя в себя, я поняла, что лавку всё-таки нужно открывать. Я подошла к коробке, которую оставил Павлов, чтобы переставить тяжелый обогреватель к стене. Потянула за картонный клапан, заглянула внутрь... и внутри у меня всё просто заledenело.

На самом дне коробки, прямо под металлическим корпусом прибора, лежал плотный, вырванный из какого-то блокнота лист бумаги.

Я дрожащими пальцами вытащила его и развернула. Это был карандашный набросок. Уверенными, размашистыми штрихами угольного карандаша на нем была изображена моя лавка, вид со двора. А в самом центре рисунка, на козырьке над крыльцом, у открытого окна моей спальни, стоял высокий мужской силуэт. Под рисунком аккуратным почерком Алексея Павлова было выведено всего одно слово: «Защищу».

Мой собственный крик застрял в горле. Павлов знал. Он знал, что Кристиан был у меня этой ночью.

В этот же момент в глубине пустой, запертой лавки, прямо со второго этажа — из моей закрытой комнаты — раздался отчетливый, тяжелый стук упавшего стула. Там, наверху, кто-то был.

Глава 5

Звук удара сверху эхом разнесся по пустой лавке, и у меня внутри всё окончательно оборвалось. Стул. На моей личной половине, куда никто не имел права заходить, только что упал стул.

Первой мыслью было схватить со стола тяжелый латунный подсвечник и броситься вверх по лестнице, чтобы защитить свое имущество. Но тело просто отказалось подчиняться. Ладони мгновенно стали ледяными, а колени задрожали так сильно, что мне пришлось опереться о край прилавка, чтобы просто не осесть на пол. Какой подсвечник? Против кого? Я едва дышала от подступающей паники, а сердце колотилось в ушах так сильно, что заглушало все остальные звуки.

Бежать на улицу? Туман там стоял такой плотный, что вытянутой руки не разглядеть. Бежать к Кристиану? Мысль об этом обожгла изнутри, но я тут же судорожно замотала головой. Он пугал меня не меньше, чем Павлов. Один тайно пробирается через окно и прячет чужие вещи, второй оставляет жуткие рисунки со слежкой. Они оба были чужими, опасными людьми, от которых стоило держаться как можно дальше. Защиты ждать было не от кого.

С трудом переставляя ватные, непослушные ноги, я бесшумно попятилась назад, вглубь первого этажа — туда, где

за прилавком пряталась крошечная, глухая каморка для инвентаря и нераспроданных товаров.

Я юркнула внутрь, потянула на себя хлипкую деревянную дверь и задвинула маленькую защелку. Вокруг воцарилась полная, звенящая темнота, пахнувшая сухой стружкой и лавандовым мылом. Я опустилась прямо на грязный пол, поджав к груди дрожащие колени и крепко зажав рот ладонями, чтобы наружу не прорвался ни один судорожный вздох.

Сверху снова послышался шорох. Затем — тяжелые, медленные шаги. Тот, кто был в моей комнате, не торопился. Он ходил прямо над моей головой, половицы глухо поскрипывали под его весом. Судя по звуку, он двигался в сторону кровати. Туда, где под матрасом я спрятала эскиз Кристиана...

Половицы наверху скрипнули в последний раз, и звук шагов переместился к лестнице.

Они спускались. Медленно, тяжело, с какой-то пугающей уверенностью. Каждая ступенька отзывалась в моем теле болезненным спазмом. Я еще сильнее прижала ладони к губам, так, что ногти больно впились в кожу. Глаза в кромешной темноте каморки расширились до предела, тщетно пытаюсь поймать хоть каплю света сквозь узкую щель под дверью.

Ступени кончились. Чужак вошел в торговый зал.

Сквозь тонкие доски перегородки я слышала, как он прошел мимо прилавка, где Алексей Павлов только что оставил коробку с обогревателем. Послышался глухой стук дерева о дерево — незнакомец бесцеремонно двигал товары на стел-

лажах, переворачивал коробки, что-то искал. До меня долетел резкий, въедливый запах дешевого табака и сырой шерсти. Это был не Кристиан с его ароматом льняного масла и мокрой хвои. И не Павлов с его тяжелым казенным парфюмом. Кто-то третий. Кто-то, кто обыскивал мою лавку прямо сейчас.

Шорох прекратился. Наступила звенящая, мертвая тишина.

А затем тяжелые шаги возобновились и начали приближаться прямо к моей каморке. Метр за метром. Шаг за шагом. Направление было безошибочным.

Внезапно ручка деревянной двери дернулась сверху вниз. Хлипкая защелка жалобно звякнула, удерживая дверь из последних сил. Человек снаружи навалился плечом на доски, и в щель пробился тусклый свет из зала. От ужаса у меня перехватило горло. Еще один толчок, и эта тонкая преграда просто разлетится в щепки.

В этот самый момент в кармане моих джинсов, который я забыла проверить, с оглушительным,дребезжащим звуком сработал будильник на телефоне, который я каждое утро ставила на время открытия лавки...

Глава 6

Дребезжащий, пронзительный звук электронного будильника взорвал тесную темноту каморки. На секунду мне показалось, что этот треск раздался прямо у меня в голове. Слишком громко. Глупо.

Человек за дверью замер. Его тяжелое, прерывистое дыхание с той стороны досок резко оборвалось. Ловушка захлопнулась. Он понял, что в лавке не просто кто-то есть — этот кто-то прячется в шаге от него и только что выдал себя с головой.

Ручка двери рванулась со страшной силой. Хлипкая защелка жалобно хрустнула, удерживая деревянное полотно из последних сил. Доски прогнулись.

Страх, который до этого сковывал меня, заставляя сжиматься в комок на полу, вдруг вымело начисто. На его место пришла бешеная, слепая паника. Я поняла, что если останусь сидеть здесь, на куче старых тряпок, он просто раздавит меня в этой коробке. Защищаться было нечем. Бежать некуда.

Я судорожно вскочила, уперлась обеими ладонями в шершавое дерево двери и, зажмурившись, изо всей силы толкнула её наружу. Сама.

Раздался резкий треск ломающегося косяка. Защелка с мясом вылетела из пазов. Хлипкая створка каморки распахнулась настежь, с глухим стуком врезавшись в плечо стояв-

шего снаружи мужчины. Он явно не ожидал, что изнутри кто-то ударит, глухо выругался и покачнулся, отступая на шаг назад к стеллажам.

Я вылетела из темноты как ошпаренная. Ноги заплетались, в легких не хватало воздуха, но инстинкт гнал меня вперед. На ходу рука слепо царапнула по ближайшей полке, сгребая первое, что попало под пальцы — тяжелый, граненый стеклянный флакон с авторским хвойным парфюмом, которыйставлял один из мастеров.

— Назад! — голос сорвался на хриплый, почти неузнаваемый крик. Я выставила флакон перед собой, судорожно сжимая его обеими руками.

Мужчина стоял спиной к утреннему свету, и его силуэт казался огромной темной глыбой в тумане. На нем была серая куртка-штормовка с накиннутым капюшоном, а всё лицо до самых глаз скрывал плотный темный шарф. Из-под капюшона торчали лишь растрепанные пряди черных волос. В его правой руке был зажат тяжелый нож-резак, а из карманов куртки ворохом торчали обгоревшие обрывки каких-то писем и документов, которые он только что выгреб из тайника под прилавком.

Он уничтожал улики. Чьи-то чужие следы.

Но самым жутким было то, что он молчал. Абсолютно. Ни единого звука, ни угрозы, ни выдоха. В этой звенящей тишине пустой лавки его безликая фигура казалась зловещим, материализовавшимся из тумана наваждением. Ка-

ким-то безумным, затянувшимся глюком моего собственного уставшего разума.

Он сделал быстрый, плавный шаг ко мне, перехватывая нож удобнее. У меня потемнело в глазах. Сзади был прилавок, бежать некуда. Алексей Павлов караулит где-то снаружи на улице, Кристиан прячет тайны у себя в карманах, а передо мной бесшумно, словно в затяжном кошмаре, надвигается вооруженная фигура без имени и лица.

Палец судорожно, до боли нажал на тугой распылитель флакона. Густое, едкое облако спиртовой хвойной эссенции брызнуло прямо в его скрытое маской лицо.

Мужчина яростно, со свистом схватил ртом воздух и отшатнулся назад, вслепую закрывая глаза руками. Нож со звуком выскочил из его пальцев и ударился о половицы.

Я, не помня себя, бросилась мимо него к входной двери лавки. Пальцы не слушались, цепочка никак не поддавалась, но я сорвала её вместе с куском крепления. Вылетела на крыльцо, прямо в холодный, спасительный туман, и с размаху уткнулась лбом в чью-то тяжелую, мокрую от росы куртку.

Сильные, широкие ладони мгновенно перехватили мои дрожащие плечи, удерживая на ногах и не давая упасть на колени. От мужчины пахло дождем, сигаретным дымом и терпким льняным маслом.

Кристиан.

Глава 7

Пальцы судорожно вцепились в плотную, влажную от тумана ткань куртки Кристиана. Я никак не могла надышаться. Воздух со свистом вырывался из легких, а перед глазами всё еще стоял тот жуткий, безликий силуэт с резаком, бесшумно надвигавшийся на меня в темноте каморки.

— Кристиан... там... там кто-то... — ломаным, срывающимся шепотом попыталась вытолкнуть я, указывая назад, на приоткрытую дверь лавки.

Художник не ответил. Его широкие ладони жестко, до боли сжались на моих плечах. Он даже не посмотрел на дверь, куда я тыкала пальцем. Его серые, почти прозрачные глаза были устремлены мимо меня — туда, где сквозь плотное серое марево улицы послышался отчетливый, размеренный хруст гравия. Тяжелые, казенные шаги.

Алексей Павлов возвращался. Начальник полиции явно не ушел далеко и теперь шел на шум ломающейся двери.

Если он сейчас увидит меня в таком состоянии — бледную, трясущуюся, со сломанным дверным косяком за спиной — лавку оцепят в ту же секунду. И мне придется вывернуть карманы, где до сих пор лежали обрывки моих собственных тайн.

— Молчи, — коротко, как удар, выдохнул Кристиан.

Прежде чем я успела хотя бы пикнуть или оттолкнуть

его, он рванул меня на себя. Сильно, почти грубо. Мое лицо уткнулось в его жесткое плечо, пахнущее табачным дымом и горьким льняным маслом. Его ладонь легла мне на затылок, намертво прижимая к себе и запутываясь в волосах, а вторая рука властно обняла за поясницу, полностью скрывая мою дрожащую фигуру от улицы.

— Кристиан, пус... — промычала я ему в куртку, но его хватка стала только железнее.

— Не дергайся, если не хочешь провести ночь в камере, — прошептал он мне в самое ухо, и от его горячего дыхания пошее пробежали мурашки. — Павлов в десяти метрах. Дыши глубже. Делай вид, что тебе хорошо.

Я замерла. И в эту самую секунду, сквозь леденящий ужас, меня накрыло совершенно другое, пугающее чувство. Смятение. Я кожей ощутила, каким горячим и огромным было его тело по сравнению с моим. Ощутила силу его пальцев, державших меня так, словно он имел на это полное право. Эта внезапная, безумная химия между нами в шаге от опасности сбивала с толку едва ли не сильнее, чем безликий вор в каморки. Сердце заколотилось в груди как сумасшедшее, и я уже не понимала, от чего сильнее — от пережитого страха или от близости Кристиана.

Из тумана, как грубо вырезанная из картона фигура, сооткался начальник полиции. Он не остался внизу — тяжело поднялся по ступеням крыльца и остановился в полушаге от нас.

Павлов прищурился, глядя на то, как я судорожно сжимаю куртку художника, а дверь лавки за нашей спиной подозрительно приоткрыта. В его серых глазах вспыхнуло острое подозрение. Он сделал шаг вперед, намереваясь заглянуть через плечо художника прямо в темный зал.

— Что у вас тут происходит? — сухо и жестко спросил Павлов, протягивая руку к дверной ручке. — Кира, почему дверь открыта, а на тебе лица нет? Не помешал?

Кристиан среагировал мгновенно. Он сдвинулся в сторону, загораживая Павлову обзор своим широким телом, и еще сильнее вжал меня в свою грудь, буквально пряча от мента. Ладонь на моей пояснице сжалась до боли, без слов приказывая не шевелиться. На его губы вернулась та самая холодная, издевательская усмешка, которая всегда выводила полицию из себя.

— Мы как раз закрываемся, Алексей. У Киры сегодня внеплановый выходной, — ровно ответил художник, глядя на Павлова сверху вниз. — Решили провести день в лесу. Погода... располагает. А бледная она, потому что вы её напугали своим внезапным появлением.

Павлов несколько секунд молча буравил Кристиана взглядом, взвешивая, стоит ли оттолкнуть его и войти силой. Напряжение было таким, что казалось, туман вокруг нас сейчас начнет трещать. Я слышала, как под курткой Кристиана бешено, но ритмично стучит его сердце. Наконец, начальник полиции медленно убрал руку от двери и отступил на сту-

пеньку назад.

— Смотри, художник, горы у нас злые, — тихо, с явной угрозой произнес Павлов. — Можно уйти в лес и не вернуться. Заблудиться, например. Или наткнуться на то, что тебе знать не положено. Приглядывай за ней. А я зайду завтра. Проверю, как у вас дела.

Он развернулся и медленно растворился в серой сырости. Как только его шаги стихли, Кристиан резко разжал руки. Я отшагнула, едва удерживаясь на ногах. Колени подогнулись, и я едва не осела на сырые доски крыльца.

— А теперь уходим, — он перехватил мою ладонь. Его пальцы были жесткими и холодными после тумана.

— Подожди! Там же внутри... там кто-то был! Он перерыл мои вещи! — я попыталась вырвать руку, оглядываясь на лавку. Мне было до смерти страшно возвращаться туда, но и уходить неизвестно куда с Кристианом казалось безумием.

— Внутри уже никого нет, Кира, — Кристиан даже не обернулся. Он потянул меня за собой, с крыльца, прямо в плотную пелену тумана, уводя в сторону лесной тропы. — Твой гость ушел через окно второго этажа, как только зазвенел твой чертов будильник. И если ты останешься здесь, Павлов вернется с ордером. Шагай быстрее.

У меня просто не осталось сил спорить. Тело била мелкая дрожь после пережитого шока и той странной, горячей вспышки, что случилась между нами мгновение назад. Я

безвольно подчинилась, позволяя ему вести себя по мокрой хвое, вглубь глухого, туманного леса. Защиты ждать было не от кого. Я шла в логово к человеку, который явно вел свою собственную, смертельно опасную игру...

Глава 8

Лесная тропа оборвалась внезапно. Сквозь плотную, серую пелену тумана проступили очертания приземистого дома из темного, почерневшего от дождей бруса. Мастерская Кристиана.

Когда мы переступили порог, я подсознательно приготовилась увидеть мрачное, давящее логово отшельника, но дом встретил меня сухим, пронзительным теплом. Внутри пахло нагретым деревом, дорогой олифой, масляными красками и едва уловимым, сладковатым ароматом сушеной цедры. По центру комнаты стоял старый, потертый кожаный диван, а в углу тихо, уютно пощелкивала дровами кирпичная печь. Этот резкий контраст с ледяной сыростью улицы на мгновение совсем сбил меня с толку.

— Раздевайся, — негромко бросил Кристиан, сбрасывая на пол свою тяжелую, намокшую от росы куртку.

Я осталась стоять у самой двери, зябко кутаясь в свитер. Ноги до сих пор подкашивались после того, что устроил на крыльце Павлов. Кристиан молча прошел к небольшому столу, звякнул посудой и через минуту протянул мне тяжелую глиняную кружку. От нее поднимался густой пар, пахнущий дикой смородиной и чабрецом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.